

Глава 1. МОРАЛЬНЫЕ ТУПИКИ МОДЕРНИСТСКИХ ТЕОРИЙ

Возможна ли недемократическая/некапиталистическая Современность?

Самое реальное (по этой причине и самое легитимное), с чем мы имеем дело в современной политике – это идеал представительной демократии и ее прилагательные. В этой классификации социальной реальности заинтересованы ведущие страны мира, над ее совершенствованием работают лучшие интеллектуалы. Эта реальность привычна для мирового общественного сознания как точка отсчета, то, с чем соотносят и неизбежно сравнивают все остальное. И понимать в этой картине мира уже нечего. Она уже понята, названа и описана классиками общественной мысли. Борясь с доминирующими культурными кодами, можно искать на ней пространство недемократии, но это лишь зависимое приложение к базовой метафоре современности – Демократии.

И смена гегемонистского кода демократия/недемократия есть вопрос изменения статус-кво всей миросистемы, устроенной таким образом. Но что собственно взамен? Что может стать более легитимным в современной глобальной политике, чем демократия? Возможна ли недемократическая современность? Если демократия есть воплощение Современности, представляется, что альтернативы ей должны быть утопическими, отвергающими ее с позиций того, чего еще нет, то есть Будущего, трансцендирующего настоящее.

Интеллектуальная борьба за контроль всеобщей нормативной истины о демократии в политической науке аналогична борьбе за мифический Хартленд, владея которым можно контролировать весь мир. Соответственно, норма-

тивно «присваивая» демократию, можно контролировать то, что она символизирует – Современность. С современностью не поспоришь, это такая самоочевидная истина, до которой любым оппонентам нужно исторически «дорасти», исправить недостатки «демократии с прилагательными» и т.п.

Определяя демократию нормативно, мы закрываем путь к объективности, поскольку ценности недоказуемы, субъективны, автономны от любой онтологической аргументации. Себя можно убедить в чем угодно, а вот других нет, если они не согласны. А если согласны, то и доказывать не надо. Все это суждения вкуса, мораль, политическая философия. Но еще более сложный вопрос – можно ли сделать это новое определение политической современности легитимным и самоочевидным для всех, не прибегая к верификации средствами опытно-эмпирической науки? Пожалуй, это возможно лишь с помощью того, что М. Фуко назвал исторической эпистемой, а Т. Кун парадигмой, то есть прорывом к иной социальной реальности.

Метафора демократии в системе актуальной политики и политической науки является центром, легитимирующим аксиологическую структуру политического знания. Но этот трансцендентный центр не принадлежит профанной (реальной) политике. Сотни существующих определений и интерпретаций демократии так ничего в итоге и не определили. Возможно, лишь еще больше запутали. Таким образом, демократия как реальность каких-либо институтов и практик деуниверсализируется. Сегодня 90% из наличных 200 государств официально называют себя демократиями. В то же время в мире нет ни одной «идеальной демократии». Таким образом, демократия все сильнее дрейфует от понятия к контекстуальной метафоре, когда ничто не есть демократия (в том числе США), и в то же время демократией может быть почти все, в том числе такая со знаком каче-

ства «суверенная демократия» как Россия. Соответственно, демократия превращается в главный символ веры Современности, недоказуемый, но и неопровержимый. Не что такое демократия, а кто может судить о качестве демократии, напрямую подключаясь к сакральному политическому измерению, – таков главный вопрос.

Конечно, можно обойтись и без демократии, но какова возможная легитимность паллиативов? И не является ли ценностная дискредитация демократии необходимым условием для взращивания взрывающих ее альтернатив?

Пределы, которые ставит человеку абсолют, таковы, что у него не возникает даже мысли их преодолеть, не рождает к ним никакого интереса и внимания. Если человек к чему-то стремится, о чем-то мечтает, что-то преодолевает в воображении, – значит цель уже не является абсолютным пределом. Значит, что этот предел может быть рано или поздно преодолен и в реальности. Все фундаментальные ограничения сначала преодолеваются в воображении, в утопии, в проекте, в мысли, направленной на их превосхождение. Поэтому в высших своих проявлениях человеческие устремления всегда поначалу идеалистичны, являясь вызовом божественному. Это чистое желание, все последующее удовлетворение которого является вторичным по отношению к нему, предполагая разнообразие проектов, планов и техник его удовлетворения.

«Раскрутить» в общественном сознании новый легитимирующий проект, равновеликий демократии, возможно. Но это значит одновременно бросить вызов всей Современности капиталистической миросистемы и, соответственно, легитимирующему ее идеологическому аппарату политической теории, в центре которого Представительная Демократия. Какие силы сегодня на это способны? И даже в случае глобальной удачи подобной революции: не станет ли новая Недемократия точкой отсчета для новых «Неде-

мократий с прилагательными», тем же бинарным кодом, но наоборот. Тогда в чем смысл подобного переворота, по крайней мере, кому это может быть выгодно?

Если это интеллектуальный протест против всей закостеневшей системы современного обществоведения, аналогичный валлерстайновской теории миросистемы¹, то это ограниченная постановка проблемы. Но если речь идет о поиске действительной альтернативы, глобального протеста мало, нужны амбиции уровня К. Маркса для описания *возможного общества*, которое превзойдет нынешнюю миросистему с ее либеральным консенсусом в пользу более универсальных и справедливых ценностей, даст новые возможности и надежды взамен нынешней детерминированности и предсказуемости, которые для многих классов и периферийных стран оборачиваются безнадежностью. Иначе проблема замены Демократии равновеликой Недемократией превращается в бессмысленную схоластику.

Но пока ведущие мировые центры силы (экономической, политической, интеллектуальной) в принципе все устраивает и в Современности-Модерне. А постепенное разотождествление Европы и США как культурно-исторической прародины капиталистической миросистемы и новых центров силы вряд ли следует интерпретировать в качестве причины ее надвигающейся трансформации или краха. Что есть глобально легитимного в политической Современности, помимо демократии, либерализма, капитализма? По большому счету – ничего. А пресловутый «конец истории» может оказаться длиннее самой истории². Без действительных альтернатив капиталистическая миросистема может существовать если не вечно, то неопределенно дол-

¹ См. подр.: Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

² Матвейчев О.А. Страна господ // Суверенитет духа. М., 2007. С.68-77.

го, переводя любые противоречия во внутренний план системы. И это не так уж плохо, поскольку фундаментальные социальные перемены всегда амбивалентны, и «вместо» не значит «лучше».

Тем не менее, проблема альтернатив не исчезает. Поиск новых трансцендирующих оснований для современной политики и общества интенсифицируется именно потому, что старые уже реализованы. И Россия как субъект полупериферии, стремящийся улучшить свое положение в миротехнике, конечно, априори заинтересована в таком поиске. Но продуктивно размышлять о Современности и Демократии, а они политически тождественны, можно только если мы хотим их отвергнуть в пользу чего-то иного. В противном случае мы рискуем скатиться к вечному ремонту статус-кво, его описанию некими дополняющими кодами. Недемократия будет дополнять доминирующий в Современности-Модерне код Демократии, таким образом фактически превращаясь в подпорку Демократической Современности, неолиберализм найдет оппонента в неоконсерватизме, а глобалисты в антиглобалистах и т.д. Подобная дополняющая критика только укрепляет свой объект.

О функции ускользания от определений

Итак, возможен ли более эгалитарный и справедливый проект современности, нежели тот, который предлагает либеральный консенсус капиталистической миротехники? На чем может быть основана легитимность этого проекта? Или, иными словами, что современное общество готово трансцендировать в политике, в какие аксиомы оно готово верить?

Прежде всего стоит обратить внимание на функции ускользания от определений, на то, что ключевые понятия общественных наук – демократия, общество, свобода, капитализм, справедливость и т.п. – принципиально неопре-

делимы до конца. Эти понятия уходят в политическое трансцендентное. Собственно эта расплывчатость, множественность смысла имеет важную функцию – она является условием возможности диалога, создания intersubjectивного пространства. Любой язык, и естественный, и искусственный, невозможен без ряда молчаливых, не обсуждаемых аксиом, из которых выводится все остальное. Это минимум интуитивного взаимопонимания или трансцендентального единства апперцепции, опирающийся на то, что называется здравым смыслом или самоочевидностью в виде intersubjectивного предпонимания аксиом, из которого появляются все остальные смыслы.

Поэтому в любой дискуссии возникают естественные проблемы с интерпретацией ключевых понятий, особенно современности, либерализма или демократии, которые являются самыми идеологизированными понятиями общественности. В настоящее время эти размытые понятия, выйдя на глобально-нормативный уровень, во многом оказались в содержательном тупике. Вчерашние концепты в виде идеологий в общественности и реальной политике практически не работают. Приставки пост- и нео- ситуацию только усугубляют, мало что добавляя к содержанию понятий, которые они должны дополнить и исправить. Компенсаторное умножение политических сущностей, тех же ипостасей демократии, превращается в интеллектуальную игру, которая никак не соотносится с реальностью и во многом носит имитационный характер.

Проблема видится в том, что ключевые политические понятия делегитимированы в результате сведения трансцендентного к имманентному по причине своей банальной реализации или попытки таковой. Когда «детскими вопросами» прервут самореференцию любой общественной теории (все они не проверяемы опытным путем), самым реальным, что останется в ее защиту и на чем будет держаться

ся ее легитимность, – это апелляция к самоочевидности. А последний ответ, к которому все сводится: потому что «так» естественно, самоочевидно и тождественно «здоровому смыслу». То есть наиболее легитимно и реально самоочевидное, то, что не нуждается в доказательстве. Доминирующие культурные коды являются таковыми, только если поддерживают монополию на здравый смысл.

Но когда ключевые, самоочевидные метафоры-понятия современного обществознания ставятся под вопрос в ходе их реализации (=профанизации), когда оказывается что самоочевидности нет, а есть множественность определений и интерпретаций – возникают закономерные проблемы и с эвристическим потенциалом исчерпанных понятий, и с легитимностью социальной реальности, которую они призваны описывать. Таким образом, определяющее свойство ключевых понятий – это их способность ускользать от окончательных рациональных определений в трансцендентное. Поэтому демократия, современность, либерализм, коммунизм – это больше символы веры, нежели научные категории. И чем больше в них рациональности и определенности, тем, как это не парадоксально, ограниченной их способность легитимировать окружающую социальную реальность, институты и практики.

В современности традиционное религиозное деление на профанное и божественное заменяется чахлам феноменологическим эрзацем в виде дихотомии «политической системы» и «жизненного мира»¹. Казалось бы, светская власть, таким образом, лишилась последней привязки к трансцендентному. Кажется, что в условиях капитализма и демократии политико-экономический порядок становится абсолютно прозрачным, функционируя в имманентном пространстве рациональности, прибыли, подсчета голосов и т.п. На самом

¹ *Фишман Л.Г.* В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы наук об обществе. Екатеринбург, 2002. С. 25-38.

деле меняется лишь способ возмещения трансцендентности политики. На смену божественности приходят глас народа, статистика, опросы, «телевизионная агора», виртуализация и дигитализация власти. Граница трансцендентного и имманентного перестает проходить через развенчанные фигуры современных политических лидеров, но в конце концов трансцендентной становится сама среда власти, создающая эффект затемнения вокруг нынешних «голых королей». Легитимность последних уже не является следствием их прямого доступа к трансцендентному, но подтверждается цепочками авторитетных отсылок, общественным мнением, результатами выборов и отчасти трансценденцией самой среды власти (советники, эксперты, «закулиса») и т.п.

Представляется, что сакральность современной политики проявляется и в том, что она стала слишком реальной, то есть гиперреальной. И в отношении этой гиперреальности, во многом конструируемой СМИ, реальность повседневности поблекла, как будто у нее отняли лишнее измерение, превратилась в симуляцию этой гиперреальности, в «как будто реальность». Таким образом, гиперреальность стала тем самым запредельным измерением, без которого власть не может эффективно легитимировать повседневность. Одновременно реальная субстанция власти начинает активно перетекать в те практики, представления, институты, которые, по крайней мере в общественном мнении, дают ей выход на сакральное измерение. Власть, согласно мысли М. Маффесоли, в силу инстинкта самосохранения неизбежно обращается к мифу, чуду и принципу веры, к обожествлению социального¹. Кризису или крушению любого режима и любой общественной теории предшествует потеря ими своей сакральности. Революции, научные и общественные, лишь придают очевидность этому факту.

¹ *Маффесоли М.* Околдованность мира или божественное социальное // Социо-Логос. М., 1991. С. 280-284.

Легитимация как эрзац трансценденции

Любые идеи профанизируются, когда реализуются (овеществляются) в социальных институтах. Как справедливо заметил Б.Г. Капустин, «объективация ценностей» путем их отождествления с определенными историческими институтами изначально ложна¹. Идеи автономны от реальности, отождествление с социальной реальностью является исчерпанием идеи. Идеи порождают институты, но институты не могут породить автоматически сознания, когда-то их инициировавшего. Например, транзитологический рецепт внедрения институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка вовсе не ведет автоматически к легитимности ценностей демократии. То есть институты сами по себе не ведут к производству соответствующего типа ценностей.

Но каким образом легитимируется современная политика? Можно ли эмпирически зафиксировать критерии легитимности? Отчасти да, в виде результатов выборов, статистики общественного мнения, проявлений политической воли в виде забастовок, пикетов, митингов и т.д. Но прежде всего легитимность опирается на молчаливое согласие народа по поводу мифического общественного договора, как будто когда-то заключенного. Политический порядок, основанный на силе, может опираться только на страх и воспроизводить рабов, а не граждан. Военные режимы и хунты недолговечны. Гораздо эффективней порядок, для которого насилие есть крайнее средство, и власть, управляющая государством, будучи основана на уважении. Здесь важен переход от формальной легальности к легитимности как морально-правовой проблеме естественного права. Суть легитимности – добровольное разделение большинством граждан идей, которые лежат в основании законов. Легитимные за-

¹ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 61.

коны и политические порядки соблюдаются не из страха наказания и репрессивных санкций, а потому, что люди добровольно разделяют существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, считая такой порядок естественным и самоочевидным, справедливым.

Огрубляя проблему, можно сказать, что легитимация в современной политике является эрзацем трансценденции. Политическая легитимация тождественна трансценденции. Более того, общественное сознание со времен Просвещения мыслит бинарными кодами, и код Недемократия-Демократия – лишь одна из ипостасей главной оппозиции – Профанное-Сакральное или Имманентное-Трансцендентное. При этом трансцендентное есть нечто принципиально не объяснимое до конца, загадка, миф, вера, иррациональное и т.п. Рациональное объяснение трансцендентного аналогично его развенчанию, профанизации.

С этих позиций представительная демократия со всеми ее «прилагательными» – это доминирующий в Современности трансцендентный код политической реальности, остальное – пока профанные гипотезы и утопии. Например, Ф. Анкерсмит пишет, что репрезентативная демократия как «принципиальная непринципиальность», как нормативный механизм согласования интересов, который помог Европе найти политический инвариант для буржуазного (современного) общества между абсолютной монархией и гражданской войной, трансцендировался принципом историзма¹. Интегрирующий исторический миф позволил выработать такие понятия как государство, нация, гражданское общество, общественный договор и т.д., сделав дискуссии идеологическими и введя их в новые легитимные институциональные рамки.

¹ Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос, 2004. № 2.

Мысль о легитимации как трансценденции является ключевой для развертывания мыслительных схем, институтов и практик прикладного уровня. Речь идет не столько о «фокусническом удвоении» мира, сколько о делении на факты и ценности, делении, которое в общественных науках никогда нельзя произвести до конца. Политология без ценностного бекграунда невозможна, а поминки по чистому позитивизму справили еще в XIX в., так как он также несет в себе набор определенных ценностных аксиом, допущений об идеальной природе человека, идеологию Разума, даже если она незаметна самим позитивистам, «как бы» ограничивающих себя профанным, эмпирически измеряемым миром. (Естественно, подобное утверждение не является призывом заменять идеологией и мифом опытные процедуры статистики, научной верификации, дедукции-индукции и т.д.).

Проблема заключается в сознании социального контекста, в неизбежной ценностной рефлексии ученых-обществоведов. Обществовед-теоретик не может находиться вне реального общества, то есть не сознавать свои исторические координаты, социальные предпочтения, личные симпатии-антипатии, ангажированность. Любые попытки рассуждать в общественных науках объективно и не ангажировано, встав «над обществом», являются позицией бога. Или идеолога. Поэтому не может быть серьезной политической теории, которая не имеет пусть и предельно опосредованной связи с позициями интересов значимой социальной силы в поле политики. Более того, это невозможно без целенаправленного поиска такой опоры, без поиска соответствия интеллектуального и социально-политического поля. Иначе проблема субъекта социальной теории как субъекта социальных изменений заходит в тупик, а без субъекта общественные теории теряют смысл.

Легитимность любого политического порядка, будь то демократия, капиталистическая миросистема, либера-

лизм или коммунизм, не может полностью принадлежать порядкам тех институтов, которые его выражают на практике. То есть не может быть полностью профанной и рациональной. Как только политический режим начинает принадлежать посюстороннему пространству повседневности, как только его механизм становится прозрачным для непосвященного взора, он превращается в хрупкое «послевластие», которое разрушается первым же преступлением незыблемых прежде ценностей, запретов и порядков, следуя принципу «а король-то голый»!

Ключевое затруднение актуальной капиталистической миросистемы именно в том, что она слишком успешна, в том, что она институционально и ценностно господствует в современном мире. Но эта глобальная материализация сыграла с ней злую шутку, так как в «обществе прогресса» высшей легитимностью обладает то, чего еще нет, будь то царство небесное, коммунизм или незавершенная демократия. Иными словами, *в обществе модерна либеральный призыв к социальным переменам во имя более рационального и справедливо устроенного общества априори переигрывает апологетику социального статус-кво, сколь бы оно ни было достойным.* При этом современными интеллектуалами мало учитывается непредсказуемость любых социальных изменений, то, что прогресс легко может стать регрессом и упадком, чему не раз была свидетельницей человеческая история, в свое время метко названная А. Герценом «автобиографией сумасшедшего». Но, с другой стороны, капиталистической миросистеме сегодня не наблюдается принципиальных вызовов, связанных с трансценденцией неких альтернативных оснований человеческого жизнеустройства. Критические замечания обществоведов, связанные с неравенством периферии и центра, неудовлетворенностью либеральным консенсусом и мировым разделением труда, не являются фатальными для капитали-

стической миросистемы. Ее истинное слабое звено – снижение общей легитимности (сакральности) как следствие ее практической реализации.

Только еще не реализованные утопии сохраняют иммунитет к онтологической аргументации. Десакрализация, рационализация и материализация политического режима подчиняет его профанному миру. Когда власть в обществе начинает легитимироваться только рациональными механизмами, позитивистскими процедурами принятия правовых решений, статистикой выборов, от власти остается лишь ее скелет, то есть симуляция власти. Очевидно, что легитимации властных решений авторитетом разума недостаточно в имманентном им пространстве рационального, поскольку то, что легитимирует, полностью вписывается в пространство легитимируемого, представляя обычную тавтологию.

Легитимность (и политическая, и интеллектуальная) *суть избыток, что-то сверх и помимо того, что она легитимирует. Именно поэтому предельные основания власти и политики всегда уходят в трансцендентное. Эффективная власть метафизична в отношении закрепляемого с ее помощью порядка вещей.* Поэтому, например, эффективная представительная демократия а la США и Европа, советский путь, неолиберализм – это не столько набор неких истинных и универсальных для человечества практик и институтов, которые можно «найти и вычислить», сколько лежащий в их основе трансцендентный политический Символ Веры.

Трансцендентное в политике выступает и как мифическое, и как религиозное, и как идеологическое. В последнее время трансценденция политики и общества все чаще принимает форму «включенного», магического гиперреализма (особенно в электронных СМИ), который есть нечто большее, чем привычная обыденность и повседневность.

Нереальный эффект гиперреальности, одновременности наличия обыденного-сакрального порядков легитимирует повседневность¹.

Но основная проблема сегодня – это именно профанизация (материализация и реализация) всех ключевых проектов Современности, будь то либеральный консенсус, неолиберализм или коммунизм. Вопрос не в том, какой проект истинный, но в том, как сделать (и надо ли это делать), чтобы проекты, альтернативные капиталистической мир-системе, стали сакральными и утопичными. В противном случае они не будут иметь практических следствий, а старые проекты, сколь бы критично к ним не относились, сохранят контроль над статус-кво.

Социальные изменения как безусловное благо

В отношении к социальным изменениям представляется существенным, что современные общества базируются на линейной идее позитивного прогресса, которая по сути социально и технологически возможное сделала общественно необходимым. Осуществление возможного, то есть утопий, стало базовой потребностью и принципом. Возможности и ожидания стали полноправной частью социальной реальности, а не удачей, чудом, милостью короля и т.д. Люди стали оценивать социальные институты, включая государство, исходя из их новых возможностей (научных, управленческих, технологических), а не статус-кво. Возможности стали неотъемлемой частью социальной реальности. И политика, и экономика впали в зависимость от финансовых и интеллектуальных фьючерсов. Они легитимируются надеждами на улучшающие изменения, которых не питали люди, жившие в традиционных обществах, подчиненных естественным природным циклам.

¹ *Вирлио П.* Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 99-115.

Соответственно, несправедливость в обществе прогресса стала интерпретироваться уже не как ухудшение статус-кво, но наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему. Именно это можно сегодня наблюдать в капиталистической миросистеме: возможностей для улучшения жизни людей все больше, но они либо не используются, либо остаются монополией незначительного меньшинства. Более того, новые возможности, предоставленные прогрессом человечеству, стало столь же возможно употреблять и в пользу умножения социального и экономического неравенства: например реализация частных интересов за счет эксплуатации предоставляемых обществом возможностей, косвенно ухудшающих положение всех остальных, в частности экологические издержки производства. И эти поддающиеся общественному регулированию неравенства более обидны, чем статичные и нерегулируемые неравенства прошлого.

В результате в мире сложилась общественно-историческая и интеллектуальная ситуация как в известном анекдоте, когда воздушные шарик (легитимирующие идеи) все те же – зеленые, красные, синие, но уже почему-то не радуют, даже если они и не лопнули. *Отсюда проблема, состоящая не столько в кризисе капиталистической миросистемы и представительной демократии, сколько в потере ими утопического измерения, способности давать надежды на что-то большее.* Поэтому не случайна актуализация такого демифологизирующего жанра как антиутопии и альтернативные истории, в том числе и политические¹. Демократия, капитализм и либерализм осуществлены, то есть профанированы в современном

¹ Пелевин В. Empire V. М., 2006; Сорокин В. День опричника. М., 2006; Дивов О. Выбракровка. М., 2000 и др.

мире. Они стали частью повседневности, обыденными. Но повседневность не обладает потенциалом легитимации, обществу прогресса нужны новые утопии, надежды и возможности, представить которые демократия и либерализм не могут, поскольку кардинально лучше в этом либерально-демократическом и капиталистическом дискурсе уже не бывает. Если только не изобрести лекарство от всех болезней, машину будущего или неограниченные источники дешевой энергии. Но общество прогресса живет «снами о чем-то большем», которые оно часто безуспешно пытается воплотить.

Таким образом, современные общества вовсе не столкнулись с новыми проблемами, для разрешения которых необходима принципиально новая глобальная система. Мир скорее все более разочарован в профанизированных идеологиях, институтах и практиках политики, которые не дают привычного интеллектуального наркотика – перспективы на будущее. *Хотим мы этого или нет, социально-политические идеалы демократии и либерального консенсуса в общем и целом реализованы в современной мире.* Поэтому в данной перспективе принципиально иного будущего нет. Есть лишь, как сформулировал П. Вирильо¹, «тирания настоящего времени», перманентный ремонт мелких недостатков демократии, настройка гражданского общества, распространение политических ценностей либерального консенсуса на периферию миросистемы и т.п. А такие «новые» концепции как неолиберализм или альтерглобализм оказываются на самом деле отнюдь не принципиально новыми проектами, а скорее иррациональными и реактивными антиутопиями, которые питаются энергией разочарования в осуществленных на практике идеалах капиталистической миросистемы, не предлагая им действитель-

¹ Вирильо П. Тирания настоящего времени // Искусство кино, 1996. № 1.

ной альтернативы, но ограничиваясь косметическими ремонтами.

Неолиберализм является реакцией на крах и разочарование в интегрирующем и компенсирующем издержки либерального консенсуса мировом левом движении. Но неолиберальные результаты от противоположного: свертывание социальных функций государства, свобода перемещения товаров и капиталов, отмена перераспределения доходов в пользу бедных – потерпели крах. Оказалось, что последовательно проводимый курс неолиберализма ведет к экстремальному расслоению обществ, обострению политико-экономических конфликтов и общей поляризации миросистемы. Поэтому «выгода сомнительна, а вред очевиден». Таким образом, крах СССР и избавление от левых надежд не обеспечили успех компенсирующего их рыночного мифа неолиберализма. Наоборот, по закону маятника произошел «технический отскок» к левопопулистским идеям, наиболее выпуклый именно на экспериментальном поле неолиберализма – Латинской Америке.

Вот вывод С. Рингена по поводу кризиса норвежской демократии, одной из самых благополучных в мире: «...причиной того, что люди отворачиваются от политики, служат не новые ценности и настроения... Грубо говоря, разумные и информированные граждане *правы*, теряя интерес к демократической политике. В этой государственной системе граждане оказываются ни в чем не виноваты; вина падает на тех, кто трудится на их пользу»¹. То есть уже реализованные демократические идеалы превращают политику в субъективном измерении в бессмысленный набор повторяющихся автоматизмов, работающий без какого-либо участия и ответственности населения. Избиратели и основные социальные группы вовсе не хотят чего-то принципи-

¹ Ринген С. Демократия: камо грядеши? // Логос, 2004. № 2.

ально нового, они вообще ничего *принципиально иного* не хотят, такова суть бодрийяровской «имплозии масс»¹. И недовольство людей отдельными элементами действительности капиталистической миросистемы не должно вводить в заблуждение. *Никто из них не собирается принципиально менять эту действительность. А тем более «заколдовывать» социальный мир на новых идейных основах.*

***Капитализм и демократия: профанизованы,
но безальтернативны?***

Ключевое условие новой «заколдовывающей» альтернативы вместо капиталистической миросистемы – отказ от расколдованной демократической современности, констатация ее интеллектуальной, социальной, моральной ограниченности. В пользу чего? Это проблема, без решения которой демократия автоматически остается безальтернативной, сколь бы жестко ее не критиковали или не старались без нее обойтись в современности. Что есть трансцендирующего в политической современности, помимо демократии? По большому счету – ничего. Где взять иное «божественное социальное»? По гамбургскому счету – нигде.

Поэтому демократия и капитализм будут существовать до тех пор, пока сохраняются внешние условия их воспроизводства. Асимметрия всегда побеждает искусственную симметрию, энтропия является естественной по отношению к любым антиэнтропийным процессам. Поэтому упорядоченный свободный рынок как набор институтов всегда будет стремиться к своей противоположности – монополизму, а демократия – к авторитаризму, если отменить внешние к институтам демократии и капитализма ценностные ограничители.

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец Социального. Екатеринбург, 2000. С. 6-8.

Сегодня неоткуда взять новые легитимные идеологии, которые можно заложить в будущие законы и иной политический строй, чтобы они не вызвали массового отторжения. Да и нужно ли их искать «из принципа»? Собственно, никто и не стремится предложить серьезные альтернативные естественно-политические основания новой миросистемы, которые могли бы быть восприняты большинством человечества как легитимные. Демократия как нормативная политическая реальность привычна для мирового общественного сознания. Понимать в демократоцентричной карте мира уже нечего, все белые пятна закрыты. И «демократия с прилагательными», и код демократия/недемократия работают на теоретическом автопилоте. Что может стать более легитимным в современной политике, чем демократия? Без ответа на этот вопрос в принципе невозможно выйти за пределы демократической парадигмы политологии.

И смена этого трансцендирующего кода есть вопрос изменения в целом статус-кво миросистемы, устроенной таким образом. Но что, собственно, взамен? Теоретические фантазии здесь мало чем помогут, так как историческая повседневность меняется медленно. Понять реальность по-другому – это лишь первый шаг. Но сделать эту интерпретацию реальности истиной для большей части человечества – задача иного уровня, поскольку это вопрос не только научных споров, но и практического соотношения социальных сил и групповых интересов.

Отвергнуть представительную демократию можно лишь предложив «нового бога политики», который станет законодателем нового мира. Пока большинство трудов обществоведов, ратующих за социальные изменения, не идут далее констатаций необходимости мелкого ремонта миросистемы и того, что старый бог политики болеет и скоро умрет. Однако время умирания капитализма, демократии и либерализма как ключевых концептов мировой политики

может быть воистину бесконечным. Да еще в итоге может оказаться, что более справедливых альтернатив нет, слухи о смерти преувеличены, а исключения лишь подтвердят старые правила, но не выльются в новые законы и т.п. Недостаточно того, что политическое настоящее миросистемы дискредитируется, необходимо, чтобы «воображаемое социальное» приобрело характер руководства к действию.

Очевидно, что изменение структуры современных обществ идет в направлении распада интегрирующих институтов и символов, вроде наций, идеологий, классов, массовых партий, профсоюзов и т.п. Потребительское общество анонимно и бессубъектно. Отсутствие явного желания граждан влиять на реальный политический процесс трактуется как издержки индивидуальной свободы и личного выбора. Если люди не выходят на улицы с протестом, значит негативный общественный договор «по умолчанию» в силе, а текущая политика легитимна. Хотя с тем же успехом это явление может быть описано и в виде падения представительной демократии как публичной политики, легитимности самих ее ритуалов (выборы, референдумы, разделение властей и т.п.).

Гипотетически действительной альтернативой демократиям может быть лишь отказ от легитимирующего их в глобальном плане либерального консенсуса и полумер в виде «вечного ремонта» имеющихся и насаждения новых демократий. Эффективные альтернативы могут возникнуть лишь в виде фундаментальных решений по принципу «или-или», которые либо превратят либеральные ценности в доступные всему человечеству права и принципы, либо приведут к отказу от этих принципов (в виде расизма, национализма, идей иерархичности, фундаментализма и цивилизационизма). Но пока что на ближайших горизонтах будущего не видно реальных сил и субъектов, которые бы позволили поставить эти вопросы в глобальном масштабе.

С другой стороны, не стоит абсолютизировать общий кризис капиталистической миросистемы. Несмотря на постепенное перераспределение экономических центров силы в миросистеме и их культурное разотождествление с Западом как исторической прародиной ее культурная, политическая и экономическая логика остается в современном мире неизменной и безальтернативной, как и легитимность ключевых понятий и институтов, призванных поддерживать глобальный либеральный консенсус. Новые вызовы меняют миросистему, но не отменяют ее законов. Такова собственно и оптимальная стратегия для современной России – менять миросистему к всеобщей выгоде, а не бороться в ограниченной цивилизационной логике с ее нынешними гегемонами. Этот принцип уже однажды помог России превратиться в короткие исторические сроки из аграрной распадающейся империи фактически в альтернативный центр миросистемы. Такой путь возможен и сегодня.

После транзитологии: Современность не для всех

Разочарование в неизбежном историческом торжестве идей мирового коммунизма, экономическая и идеологическая слабость привели к распаду социалистического лагеря и СССР. Как показалось сначала – наступил «конец истории», связанной с былыми идеологическими конфликтами человечества. Конец истории, символизирующий глобальное и неизбежное торжество универсальной демократии. Но этот конец оказался лишь началом глобальной трансформации капиталистической миросистемы, доминировавшей в последние 200 лет (1789–1991), составными частями которой в биполярном мире были и капитализм, и коммунизм, и неприсоединившиеся страны. Этот тезис подтверждает разочарование человечества в политических универсалиях как таковых, будь то теории коммунизма